

Содержание работы «Три войны Евгения Старикова»

1. Введение	_____	с. 2
2. Завтра была война	_____	с. 2
3. Жаркое лето сорок первого	_____	с. 3
4. Почему я водовоз?	_____	с. 4
5. Начало «новой жизни» – дело рыболовное	_____	с. 4
6. Мы «пахали», мы косили...	_____	с. 5
7. Кто рано встаёт... тому на завод!	_____	с. 7
8. Я бы в лётчики пошёл – пусть меня научат!	_____	с. 8
9. Без пекла, но «война»	_____	с. 9
10. Берлинские курьёзы	_____	с.10
11. Попытка номер 3	_____	с.10
12. Заключение. Сквозь века	_____	с.11
13. Приложения	_____	с.24

Введение

Евгений Павлович Старикин относится к очень любопытному типу людей: они никогда не были на войне, но, при этом, они знают о ней всё. Ну, или почти всё. Звание «Ветеран Войны» сегодня ассоциируется, в первую очередь, с человеком, который непосредственно участвовал в боевых действиях. Но многие забывают о тех, кто по разным причинам не попал на фронт: кто не успел, а кто-то не смог. «У каждого своя война» - этой фразой можно вполне оправдать такое понятие, как «Боевой Путь» любого человека. У Евгения Павловича «своя война» ассоциируется с санитарным поездом, который он увидел на одной из станций. Поезд был битком набит ранеными солдатами, следовавшими с фронта. Боевой путь и жизнь Евгения Павловича, несомненно, представляют интерес. Какой? Об этом и повествование.

Завтра была война

Повествование о нашем герое следует начать с его детских лет. Евгений Павлович родился в городе Киеве, в посёлке, известном под названием Труханов Остров. До Великой Отечественной войны здесь проживало свыше 4 тысяч жителей. Забегая вперёд, скажем, что в сентябре 1943 года, когда советские войска подходили к Киеву, немцы сожгли дотла весь посёлок.

А как напоминание о войне здесь воздвигнут мемориал, на стелле высечены имена земляков, павших на фронтах – почти 100 фамилий. Есть там и Старикины: Владимир Семёнович и Николай Семёнович, братья отца нашего героя.

Сейчас это некое подобие локального курорта с пляжами, спортивными площадками и зонами отдыха для киевлян. А в 30-е годы XX века здесь находилось поселение водников. Водниками были и родители нашего героя, и родственники, и даже предки. Водники – это рабочие местного судостроительного завода, а также люди, водившие по Днепру плоты. В посёлке был затон, куда загоняли эти, самые плоты как сырьё для местной лесопилки, а под плотами водилась рыба, особенно сомы.

Ходил юный Женя в авиамодельный кружок и в радиокружок, и вот как будто он угадал – вся последующая жизнь Евгения связана и с авиацией, и с радиотехникой.

Жаркое лето сорок первого

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа
Киев бомбили, нам объявили,
Что началася война.

В первый день войны, 22 июня, Женя с отцом были на рыбалке в упомянутом выше затоне. Клёва не было. В четыре часа утра, а может быть чуть позже, в небе над Киевом появились самолёты. И посыпались бомбы: на железнодорожный вокзал, на Арсенал, на стадион имени Хрущёва, который в тот воскресный день должен был распахнуть свои двери для публики. Разумеется, на мирной жизни была поставлена жирная точка.

Отец Евгения сразу заметил: «Сынок, сматываем удочки. Это война». Начались тяжёлые первые дни войны. Родители Жени стали каждодневно пропадать на заводе с утра до поздней ночи. В июле месяце отец Жени как-то пришёл с работы и сообщил: «Собирайтесь, два часа на сборы, завод эвакуируют». Завод эвакуировали по частям: оборудование, заводчан, их семьи. Посадили их почему-то на пароходы. С Женей поехали мама, сестренка, ей 3 года было, тётя и бабушка. Отец наказал ему: «Сынок, ты мужик, под твою ответственность». И они отправились в неизвестность. Случилось так: на пароходах отправились вниз по Днепру. Плавание сопровождалось жестокими бомбёжками, особенно в местах размещения мостов через Днепр, но всё же пароходы (таковых было три) добрались до Днепропетровска в целости и сохранности.

Евгений Павлович вспоминает: «В Днепропетровске с пароходов пересели в железнодорожный эшелон. Только загрузились и вдруг сигнал сирены, извещавший об очередном налёте немецкой авиации. Забежали в ближайшее здание. Это, как оказалось, был опустевший цех эвакуированного ранее завода: взломанный цемент из-под вывернутых на скорую руку станков, массивные колонны, а вверху еле-еле пропускающие свет мозаичные окна. Началась бомбёжка. Мы сгрудились около колонн, а дело к ночи было, Сколько мы тамостояли – не знаю, два, три часа может быть больше... А они как – эскадрильи... заход-тишина... заход-заход-заход. Потом оказалось, когда бомбили мост, одна бомба всё-таки попала в мост, но не взорвалась. В месте попадания осталась только пробоина...»

Почему я водовоз?

Удивительный вопрос:

Почему я водовоз?

Потому что без воды -

И ни туды, и ни сюды!

Путешествие продолжилось на Восток. В шестидесятитонных вагонах из-под угля: без крыши, без лавок... В каждом вагоне до 70 – 80 человек: женщины, дети, старики. Первое время на станциях эвакуированных подкармливали: ставили специально накрытые столы, где можно было поесть. Однако, несмотря на это, была очень серьёзная проблема – жажда. В этих условиях Евгений почувствовал на себе тяготы профессии водовоза, а, если быть точнее, водоноса. Из ребят 13-14 лет организовали бригаду, которая снабжала вагон водой. Мальчишки бежали на станцию, а на станции кранники. Отправление эшелона никто не отменял, выстраивались по цепочке, с котелками, с кружками, если что – бегом к эшелону. А вагоны высокие – спускали ступеньки. Ну а тех, кто не успевал – втаскивали. При этом в кружках оставалось всего несколько капель воды. И вот недели две, три по маршруту изучали географию: Днепропетровск - Ростов, потом степи, жара... и Сталинград. В Сталинграде их высадили и отправили на стадион. А потом посадили опять на пароходы и повезли вниз по Волге. Евгений Павлович вспоминает: «Пока что завезли в Астрахань, а из Астрахани в село Карапат, что в нескольких километрах от Каспийского моря. Там был персадочный узел «река – море», сюда даже заходили морские суда... здесь располагался крупный рыболовецкий колхоз-совхоз. И нас высадили на горушке – у школы, и, как сейчас помню – репродуктор... «Жители! Приехали эвакуированные из оккупированных городов, районов, просим им помочь». И нас разобрали по домам».

Начало «новой жизни» – дело рыболовное

В посёлке Женя с ребятами ходил ловить рыбу, для того чтобы прокормить семью. Сначала удочкой окуньков ловили, жарили, а потом (по подсказке местных ребят) и руками – настоящих крупных сазанов в мелких протоках, впадающих в Волгу. Женя-рыболов так закормил всех рыбой, что никто не хотел на неё смотреть...

Наконец, за ними приехал отец отец, и путешествие по Волге продолжилось, только теперь вверх по течению и спокойно – ни бомбёжек, ни тревог, ни самолётов – ничего. Конечной точкой маршрута оказалась

республика Марий Эл. Посёлок Звенигово. Там, естественно – завод судостроительный, затон. Районный центр городского типа, промышленно образующий. То есть за счёт этого завода посёлок возник, и большая часть жителей там работала. В 1941 году наш герой закончил шесть классов. Начался сентябрь месяц, надо было продолжать обучение. С этим у Евгения Павловича связано ещё одно воспоминание: «С мамой пошли в школу. Там что-то написано не по-русски, Марий Эл же, по-марийски … Хотя школа русская была».

Мы «пахали», мы косили...

Мы косили

Мы пахали,

Мы странусвою

Спасали

Евгений садится за парту – седьмой класс. Отдушиной стал декабрь 41 года, когда немца остановили под Москвой. В глубоком тылу стало более-менее спокойно, появилась надежда. В каникулы – добровольно ли, по приказу ли… Женя «поехал» работать в колхоз за 25 километров от Звенигова. Пешком - никакого транспорта, ничего, всем классом. А класс был: четверо ребят – остальные девчонки, всего около 30-ти человек.

Воспоминания, связанные с колхозом, у Евгения Павловича самые тёплые: «Там женщины, мужиков в колхозе не было. Понятно, сельчан - так их сразу в армию, а в городе, ну там производство, мастером должен быть кто-то… квалифицированные рабочие… так сказать, не всех забирали. В деревне всех. Женщина, бригадир, ну такая, ребята берите колоски в ладошки вот так и подрезайте серпом. Тем самым серпом, который красовался на гербе Советского Союза как символ крестьянского труда. Оказалось, в колхозе не было никакой сельскохозяйственной техники – только лошадки. И вот мы, цепочкой, подрезаем-подрезаем, я тут немного порезал палец, на память остался небольшой шрам. А в конце рабочего дня проходили сжатый нами участок поля и подбирали осыпавшиеся зёрнышки. Два дня поработали, а потом председатель-фронтовик, как сейчас помню, у него рукав гимнастерки был завернут, изрёк: «Ребята, я к себе вас забираю, вы мужики, а это женская работа».

И мы пошли стога метать. О, это у нас удовольствие было! Значит, снопы складывай-складывай-складывай, потом наверх-наверх, ну и наверху там с вилами утрамбовываем-укладываем, пока стог 5-6 метров... скатываемся и пошли дальше. Не работа, а просто удовольствие. Поселили нас в сарае, на сеновале. Внизу живность всякая, курочки, гуси, поросыта. Выдали чугунок, кормились сами, мяса там хоть поели. За всю войну попробовали вкус мяса. В конце августа вернулись домой – надо было продолжать учёбу, уже в 8 классе».

В октябре месяце, после того, как колхоз рассчитался с государством по поставкам зерна, в школу пришла телефонограмма о том, чтобы «работники» приходили за «зарплатой». Следует заметить, всем девчонкам за выход на работу записали по одному трудодню, а ребятам - по два. У нас получилось по 50 трудодней. А это, ни много ни мало, 25 килограммов зерна на человека, так как за трудодень полагалось полкилограмма.

С утра пораньше - марш-бросок 25 километров. За плечами – солдатские вещмешки, сначала шли так, неспеша, размеренно, птички поют и солнышко, погода, ветра нет... Пришли. Председатель их накормил и... нагрузил. Обратно уже молча, пыхтя и сопя(в вещмешках по полтора пуда зерна!), всё чаще и чаще делая привалы, а последние пару километров путеползли чуть-ли, ни на корачках.

Кто рано встаёт... тому на завод!

Наступил 42-й год. Немцы начали наступление, которое войска Красной Армии не могли сдерживать. Наступил критический момент в Отечественной войне – фашисты вышли к берегам Волги, под Сталинградом. Ребята писали в Казанское Авиационное училище с просьбой о зачислении, однако им отказали по причине возраста. Тогда, как вспоминает Евгений Павлович: «Ну и, все мы такие были: «Пойдём на завод!» Ну, завод военный, там охрана, и проволока, всё что угодно... Мы на проходную... « -Куда вы? -Работать!»... «Кто вы, чего вы? Да мы вот такие-сякие...» Каравальный вызывает начальника, начальник караула кого-то постарше, но тот же разговор... Тогда мы заявили, что не уйдём отсюда, пока нас не возьмут на завод. С завода позвонили в школу, потом ... в райком комсомола, мы же комсомольцами были... Прибегают и начинают уговаривать. Мы – ни в какую, наконец, наша забастовка достигла цели. Значит, договорились так: «Ребята, надо учиться. Вот вы будете учиться, так... а потом во вторую смену будете работать.» Мы

и согласились. С девяти там и до часу, до двух какая-то учеба, а потом с четырёх до двенадцати – на завод. У нас на заводе режим был такой: взрослые – две смены по 12 часов: 11 часов и обеденный перерыв по часу или как получится. А мы, мы же несовершеннолетние, по 8 часов работали. Распределили нас, некоторые попали в дерево-отделочный цех, а я - в механический. Забыл упомянуть, что попали мы на завод только со второй попытки нашего вторжения, а в первый раз нас всё-таки отправили учиться. Так, с февраля 43-го я стал рабочим».

Завод изготавливал авиабомбы. 2 типа бомб: 250-килограммовые и 500-килограммовые. Механический цех: половина - токарный участок, половина - слесарный. Евгения попал в слесарный . А бомба: головка, цилиндр, конус и хвостовое оперение. Оперение – 4 металлические пластины, для того, чтобы при падении бомба не кувыркалась. Так вот, на слесарном участке надо было эти самые пластины обработать. То есть , надо было разметить заготовку по шаблону, потом зажать в тисках, взять в руки молоток и зубило, вырубить излишки металла по разметке, а потом обработать напильником. И так всю смену - 8 часов. Разумеется, вскоре ни о какой учёбе речи уже не шло. Так нашему герою повествования пришлось опробовать другой символ герба СССР – молот, символизировавший труд рабочего.

Женя часто заглядывал в токарный участок. Как-то раз один из мастеров, увидев неподдельный интерес мальчишки, решил обучить его работать на станке, и не прогадал, так как скоро заболел, и его нужно было кому-то заменить. Так Женя стал рабочим у станка. Операция на станке состояла в следующем. Из кузнецкого цеха поступает головка будущей бомбы весом 35 – 40 кг. Надо было её вручную водрузить на станок, зажать в план-шайбе, отцентрировать, подвести резец, снять фаску по шаблону, нарезать резьбу во втулке головки. Затем следующая головка – всего не менее 30 штук за смену (это норма). За смену – 12 часов – удавалось обработать 35, а то и 40 головок.

Помню, как-то глядя на взрослых, попробовал закурить махорку_ ну, как же – рабочий класс! Закружила голова, затошнило. С тех пор с курением было покончено раз и навсегда. В дальнейшем от этого «удовольствия» предостерёг своих сыновей и внука.

По мере того, как война принимала затяжной характер, из цеха на фронт уходили квалифицированные рабочие, а на их место приходили подростки. Так, наш участок в начале 1944 стал уже комсомольско-молодёжным. Одели в ремесленную форму – тужурка, брюки, ватник От завода поселили ребят в бараках. Бараки такие, бревенчатые, «буржуйка» стояла всем известная,

зимой топили чуть ли не круглосуточно, так как морозо стояли трескучие – под сорок градусов. Кроме всего прочего, в обязанности всех обитателей барака входила заготовка дров для этой печки.

Но были и отдушины. Евгений Павлович вспоминает случаи, произошедшие с ним в свободные от работы дни: «Как-то выдался выходной, у отца выходной и у меня, пошли в лес за грибами. Мы всегда вспоминали с отцом эту историю... Ведёрко у нас одно на двоих, алюминиевое. Вышли на поляну в осиннике. Поляна в форме овала. Одна осина сломленная лежит, а подосиновиков... прямо рядами и на разные оттенки: и красноголовые, и желтоватые, и такие ядрёные, только, наверное, выскочили – будто на параде. Отец сел, закурил не спеша, набрали мы там это ведёрко, а остальное там всё и осталось. И почему-то вот один такой случай только был с грибами за всю мою жизнь. А второй случай с мамой: пошли за малиной. А идти – это в дальний лес. Вот ближний лес это где грибы, километра 1,5-2, а дальний там километров 5-6, через овраги мы вышли, ну примерно знали, малинник такой вот. Начали малину собирать, мама говорит: «Сынок, что-то там с той стороны шуршит...» Я так захожу... Медведь там! Стоит на задних лапах и лакомится ягодой. После того мне уже с медведем в живой природе не приходилось встречаться. А он тоже нас унюхал наверное... «Мама, беги!» – и мы бегом, оглянулись – он тоже, в другую сторону! Вернулись, сколько смогли – набрали. Такие вот были отдушины»

. Впоследствии, когда Евгений Павлович стал кадровым военным и колесил по России и за её пределами, а потом осел в Москве, всегда, когда навещал родителей в Киеве, вспоминали с мамой про малину, а с отцом про грибы.

На заводе Евгений работал с февраля 43-го по май 44-го. Занятия были по токарному делу, и там наш герой заработал третий разряд, сдал экзамен и на четвёртый: уже штучки вытачивать мог более сложные. 7 ноября 43-го года, как известно, освободили Киев. Отец Евгения сразу туда, там что-то начали восстанавливать завод, а в мае 44-го состоялась реэвакуация, возвращение в Киев всех семей заводчан.

Я бы в лётчики пошёл – пусть меня научат!

Быть рабочим хорошо,

а летчиком —

лучше,

я бы в летчики пошел,

пусть меня научат.

Накануне войны, в 39-ом году, когда буквально уже пахло порохом, были созданы спецшколы авиационные, морские и артиллерийские. Брали туда ребят после седьмого класса: 8-10 класс. Евгений с мая по сентябрь 1944 года работал токарем на судостроительном заводе, там шло восстановление Днепровского речного флота, а в сентябре он получил повестку в военкомат. Это был последний военный призыв - мальчишки 1927 года рождения. Однако военком и замполит, оба фронтовики с завёрнутыми и пришпиленными по локоть рукавами гимнастёрок (у одного – левая рука, у другого – правая), решили сохранить ребят. На фронте, мол, обойдутся и без них (к тому времени наши войска вышли к государственной границе, вели бои на территории Польши и других стран Восточной Европы) и здесь же, перед строем, решили: пусть идут учиться военной профессии, они и в послевоенные годы нужны будут стране. Евгений попал в авиационную спецшколу по собственному желанию. Полный курс общего среднего образования и специальные предметы. У нашего героя это аэродинамика, теория полётов, типы самолётов, двигатели – все предметы какие только требуются для специалистов. В спецшколе уже армейские порядки, погоны носили, форму красивую, синюю, авиационную... Причём эту форму не сразу выдали. Сначала ребята ходили в своих, как их называли, лапсердаках, ну а Женьку зачислили сразу во вторую роту, то есть в девятый класс, потому что когда он уезжал из Звенигорода, ему выдали, за храбрость и трудовой героизм, аттестат за восьмой класс.

Учёба Евгения в спецшколе совпала с таким важным событием, как День Победы. Тогда, как вспоминает Евгений Павлович: «Где-то среди ночи, может, в 12 часов, в час ночи, ни с того ни с сего - стрельба. Что такое? Пошли. Ну и тут радио... как подписали, сразу пошло-поехало. Ну, оружие тогда было – фронтовики, и пошла стрельба. Всё понятно! Все выбежали на улицу, среди ночи – обниматься, целоваться. А утром демонстрация. Стихийная. Правда, не на Крещатике – Крещатик был взорван, вы знаете. А в центре города, на Владимирской улице, на которой памятник Богдану

Хмельницкому. Там какую-то импровизированную трибуну соорудили, что-то стали кричать, махали, всё. Прошли, отметили 9 мая».

На выпускном вечере в спецшколе было объявлено, что три выпускника (среди них был и Женя) окончили школу с золотой медалью. А медалисты, по установленному порядку, направлялись в Военно-Воздушную Инженерную Академию имени Жуковского. Однако через месяц, когда наш герой явился в военкомат, ему сказали: «Звонили из спецшколы, у вас медали нет». Оказалось, что все работы отослали в министерство образования, а там нашли какой-то криминал. Что за криминал так и не выяснилось. Двум другим ребятам оценку за выпускную работу по математике снизили на тройку, а Евгению - на четвёрку. А ведь математика была его любимым предметом в спецшколе!

С серебряной медалью в Академию Жуковского уже не брали. Женьке предоставлялся выбор любого военного училища Советского Союза, но не Академия. А у Евгения был один дружок, его отчислили из спецшколы, и он предложил: «Поехали в Москву, может, и пробьёшься в Академию Жуковского, у меня там дядя...» Ну и поехали! На дворе стоял уже сентябрь месяца, занятия в Академии начались. Попасть туда не удалось. Поэтому по совету военкома наш герой поступил в Первое Московское Краснознамённое ордена Ленина училище связи на двухгодичный курс радиолокации. Таким образом, полёты нашему герою были закрыты, можно сказать, навсегда. Женя так и не стал лётчиком. В 47-м году училище перевели в Тамбов, там он в 1948 году и заканчивал учёбу, получил первое офицерское звание – лейтенант. По распределению был назначен в Группу советских оккупационных войск в Германию начальником радиолокационной станции в составе 160 ОПС (отдельный полк связи).

Без пекла, но «война»

Радиолокационная станция стояла на точке в городке Финовфурт севернее Берлина на возвышенности. Радиолокационная станция была получена по ленд-лизу, американская, JSR-527. И чем она выгодно отличалась от отечественных аналогов – она обогревалась, там подогрев был электрический. Никаких печек, никакого огня, ничего, в отличие от родных, советских. И стульчики для операторов и планшетистов были крутящиеся, лёгкие, удобные – а у наших – табуретки. Всё аккуратненько. А станция эта предназначеннная для дальнего обнаружения воздушных целей, мобильная, передвижная, собранная на нескольких машинах фирмы «Студебекер»,

объект военный, охраняемый. И как-то охрана заметила, что в непосредственной близости показался английский автомобиль, по которому часовой дал очередь из автомата. Предупреждение подействовало – те смотались. Нашёлся недоброжелатель, который доложил об этом начальству, и к Евгению комбат пожаловал : «Ты чего же не докладываешь? Тут англичане тебя, значит, обнаружили! Ты давай с этой станцией сматывай куда-нибудь. Передислоцируйся. И замаскировать!» Следует заметить, что для работы без помех станция подобного типа должна обязательно находиться на возвышенности. Места такого найти не удалось. Однако приказ есть приказ: по приказу передислоцировались, не демонтируя при этом с антенн тяжеленные приёмный и передающий блоки. Нашлось место только в лесочке в болотистой местности. Передислоцировались: «Ну ладно, будем докладывать, что есть». А станция перестала обнаруживать цели. Пришлось опять переезжать на прежнее место.

Этот случай в службе Евгения Павловича отражает обстановку, создавшуюся тогда в Берлине. Дело в том, что в воздухе витал призрак холодной войны. Однажды лейтенанта Старикова вместе с начальником радиолокационной службы воздушной армии вызвали в СМЕРШ на допрос, с целью предупреждения распространения военной тайны. Как вспоминает наш герой: «Случилось так: наш офицер после окончания училища получил назначение в Германию, прибыл в Берлин и ... заблудился! Берлинской стены тогда не было, зоны оккупации обозначались малозаметными указателями. Этот наш офицер попал в американскую зону, при нём был чемоданчик с тетрадями-конспектами. Американцы его задержали, а спустя некоторое время передали нашим представителям. В СМЕРШе тогда Старикову предложили просмотреть эти тетради с целью выявить содержащиеся в них «сведения, составляющие государственную тайну». В тетрадях излагались в основном теоретические основы радиолокации, принцип работы радиолокатора, и вдруг – технические характеристики отечественной станции СОН-2, станции орудийной наводки... это было почти общеизвестно, дальность там у них у всех одинаковая. Мы добросовестно написали: тетрадь номер 1- криминала нет, тетрадь номер 2 - тоже, тетрадь номер 3 страница такая-то...данные, соответствующие некоторой статье «Перечня», но от себя приписали «фактически известно большей части инженерно-технического состава»».

Берлинские курьёзы

Во время службы в Германии, особенно сразу после окончившейся войны, всем естественно хотелось посмотреть «фашистское логово». Евгений Павлович вспоминает: «Берлин был разделён на 4 сектора. А тогда Берлинской стены не было и в помине. Только таблички с надписями обозначали сектора раздела города на сектор наш, американский, английский и французский. Мы ездили в Берлин, надо же было посмотреть Рейхстаг, Бранденбургские Ворота, всё такое... А наш гарнизон размещался в городе Вердер километрах в пятидесяти южнее Берлина. На электричке до столицы часа полтора добираться. В Берлине ездили на метро, я-то города не знал, а там нашёлся офицер, который раньше служил, говорит «Поехали». Заблудились, а в метро наткнулись на французов, тоже военные. Они и начали: «О! Росс, росс...официер...» Полезли обниматься там... вот такой 49-й год! А ведь «холодная война» была уже в разгаре! Или ещё момент был: радиолакационные станции располагались на всей территории Германии. Добраться из штаба полка в Вердер до моей станции в Финовфурте можно было кратчайшим путём через Берлин, через Западную зону срезать, раз - и всё. А так вот объезжать Берлин это черт-те-что, чуть ли ни пол Германии объезжать! А меня, когда я первый раз приехал в немецкую столицу, мой напарник – лейтенант-радист меня уговорил: «Поехали через город. Такси возьмём. Ганс, давай такси!» И, как сейчас помню, поездка была с ветерком, но машина заглохла на мосту. А внизу поляна, лагерь военный, а там эти... я-то не знал, англичане были, оказывается: некоторые маршируют, другие бегают, преодолевая полосу препятствий, и все в форме мышиного цвета. А уже холодная война была, могли и за шкирки взять... Водитель вышел, капот открыл, а мы в машине сидим с револьверами начеку: «Ганс, давай быстрей-быстрей...» Он копался-копался, мало ли чего, может, хотел нас англичанам сдать! Больше я уже эти маршруты не повторял. Лучше уж объехать по нашей зоне, а то: «Давай срежем, срежем...»».

Попытка номер 3

В 50-м году лейтенант Старикив нацелился в Академию. Опять-таки. В группу войск пришла разнарядка в Академию Жуковского. Он написал рапорт на имя командира полка, а ему капитан начальник строевой части... «Да, только приехал, и сразу тебе в Академию!» Тогда обратился в политотдел при штабе воздушной армии. Вердикт был однозначный: « Пусть молодёжь учится». Так Евгения допустили до экзаменов в Академию. Конкурс был жестокий. Пожелавших попасть в Академию 2000 на 200 мест. Шансы 1 к 10. У Старикива, по его мнению, подготовка была солидная. Из шести офицеров, приехавших из группы войск, один только он и пробился. Где-то вытянул, и опять математика чуть не подвела. Евгений Павлович вспоминает: «А главное мой друг рядом сел, у нас разные варианты оказались. Мы с ним окончили училище вместе – помогай! Слабоват он был, так я ему помог - он пятёрку

получил. А на устном экзамене меня гоняют, гоняют, я отвечаю, а у преподавателя квадратные глаза: «А почему же у тебя двойка?» Я: «Как, двойка?» Оказывается я запятую не там поставил... ответ должен быть, предположим, 52,3 а я 5,23... чисто механически... «Я бы тебе пятёрку поставил, да не имею права, вот четвёрку тебе я ставлю...» Но и четвёрки хватило. Так я стал слушателем Академии Жуковского».

Заключение. Сквозь века

Стариков Евгений Павлович окончил академию в 1956 году по специальности «Эксплуатация радиотехнических средств связи ВВС».

С 1956 по 1960 гг. работал старшим инженером лаборатории ЭВМ в ЦНИИ Министерства Обороны. С 1960 по 1970 гг. участвовал в освоении космоса в качестве ведущего инженера по разработке и испытаниям радиотехнических средств поиска и спасения космонавтов и космических объектов Космического Управления Главного штаба ВВС. И это была третья война Старикова – битва за космос. По работе был знаком со многими космонавтами, в частности, с Юрием Гагариным.

С 1970 по 1976 гг. – старший редактор научно-технической литературы по радиолокации и вычислительной технике Военного издательства Министерства обороны. В 1971 г. окончил вечернее отделение Московского полиграфического института по специальности «редактор научно-технической литературы».

В 1976 году Стариakov Е. П. был уволен в запас в звании полковник-инженер. После увольнения работал заведующим лаборатории технических средств обучения Института повышения квалификации при Госстрое СССР, редактором ряда издательств.

В настоящее время – педагог шахматного кружка в одной из московских гимназий и просто хороший человек.

Из всех наград Евгений Павлович гордится особо двумя: медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной Войне» и медалью «За освоение космоса».

Приложения

Приложение 1. Стенография интервью Старикова Евгения Павловича Фрагменты:

1. Считаете вы себя счастливым человеком или нет?

-Пожалуй, да.

-А вот... почему?

-Удалась жизнь, так мне повезло в жизни. Ну, если начать с юности, с детства – это довоенные годы, ну, это для всех кажется, детство это самая счастливая пора, вот... Ходил я в авиамодельный кружок и в радиокружок, и вот как будто я угадал – вся моя последующая жизнь связана и с авиацией, и с радиотехникой.

Я киевлянин. Родился в городе Киеве, а если так поточней вот... в Киеве никто не бывал? Красивый город...

Каштаны... Значит, Киев расположен на правом берегу такой вот... холмистой местности, пересеченной там... спуски, подъемы... а на левом берегу такой посёлочек водников. Называется он Труханов Остров. Там он именно остров, потому что здесь – Днепр, а с тыльной стороны – там Десёнка. Десёнка – это там есть такой известный приток Днепра – Десна, а это приток Десны – Десёнка. И вот этот Труханов Остров, на нём поселились водники. Водники – это в Киеве есть судостроительный и судоремонтный завод. Ну, у них еще в 18...каких-то годах был организован. И вот вся моя семья и даже предки – все водники были. Так считалось, потому что затон там и вот завод расположены. Отец работал на заводе, мама работала на заводе, одно время я работал на заводе, небольшой промежуток, сестра моя работала на заводе, то есть вся моя жизнь связана с этим Трухановым островом. Так вот, первый день войны 22 июня мы с отцом были на рыбалке. Еще темно так, ещё чуть-чуть что-то такое... А у нас на затоне тогда по Днепру плоты гоняли. Ну сейчас такого нет, тогда из верховьев это... И там сомы водились, и мы на этих вот сомов... там в темноте, надо было подкорм там, то да сё... И вот 4 часа, ну я не знаю, наверное 4 часа время было, клёва не было... И летит значит... и посыпались бомбы. Ну, вот Киев – да, а Труханов остров – это дачное место. К нам летом приезжали горожане, занимали там какие то хибарки, хижины, там, значит, песчаный берег... пляж, всё такое, да... Ну вот, мы видим – на железнодорожный вокзал посыпались, на Арсенал известный там... Киевский Арсенал, на Печерской

который... Отец: «Сынок, сматывай удочки. Это война» А это воскресенье было, что интересно, в этот день было открытие футбольного стадиона имени Хрущёва. До этого был вот стадион Динамо известный да... открытие. И его брат, дядя Вова, играл за киевское Динамо. Мы ходили, болели. Ну и конечно, ни футбола, ни стадиона этого не было. Началась война, сразу, отец там пропадал с утра до ночи, я не знаю, как-то нас настраивали, что будем воевать на чужой территории, ну вот и значит, песни вот такие были, «Три танкиста» там, то да сё. И вдруг: каждый день наши войска отступают, и пошло поехало. В июле месяце отец как-то приходит с работы: «Собирайтесь, два часа на сборы, завод эвакуируют». Ну, завод там он по частям. И заводчане, и семьи вот. И посадили нас почему-то на пароходы. Мама, сестренка, ей 3 года было, тётя и бабушка. Вот отец значит: «Сынок, ты мужик, под твою ответственность». И мы, значит, поехали в неизвестность. Куда нас везут, чего. Случилось так: на пароходах довезли до Днепропетровска, бомбили, вот особенно мосты бомбили...

-Стратегическая точка...

-Да, значит, мы мосты проезжали ночью. Где-то там, рядом с мостом, значит, высадили, посадили в вагон, а тоже на правом берегу, а надо было переехать на левый берег, и вдруг – тревога, бомбёжка. Ближайшие объекты – набережная, мост и завод. Запомнилось: вывернутый цемент и станки стояли, на скорую руку... и такие стойки, там такие светящиеся окна. И бомбёжка пошла. Мы около столба, а дело к ночи было, сколько мы там стояли – не знаю, два, три часа может быть больше. А они как – эскадрильи... заход-тишина... заход-заход-заход. Потом, кто руководил нами, представитель завода, он организовывал. Оказывается, когда бомбили мост, одна бомба попала в мост, но не взорвалась. Прямо пробоина.

И поехали на восток. Да, вагоны шестидесяти тонные, из-под угля. Их видимо прошли там, помыли. Мама собрала какие-то там простыни, одежонку, чёта такое, а лето было, июль месяц, жара... Середина июля, примерно. А дело в том, что север, Киев держали – столица, всё такое. А немцы пошли по югу, туда, до Днепропетровска, и мы чуть туда не попали... Ну значит, вырвались мы... В этих вагонах ни лавок, ничего, и вот на узлах сели как на стулья... Вагоны без крыши естественно... На первое время торговали там, какие-то лепёшки... но в дороге нас подкармливали, где-то на станции останавливаемся – на перроне там столики, похлебка там... но мучились от жажды. Ну, нас ведь как – название официальное – эвакуация, эвакуированные жители там... всё... нас загоняли в тупик, а на фронт шли

эшелоны, с фронта шли раненые. И вот мы из ребят 13-14 лет организовали бригаду и снабжали вагон, ну там же женщины, дети... водой. Бежим на станцию, а эшелон никто ж не отменяет, ну и по цепочке значит, с котелками, если что – бегом к эшелону. А вагоны высокие – спускали ступеньки. Ну а если поднимали – т вскакивали или нас втаскивали там. А на станции краники, кто с котелком, кто с кружкой – оставалось несколько капель воды. И вот недели две, три... маршрут такой был, изучали географию: Днепропетровск - Ростов, туда... потом степи известные там, жара такая была... и Сталинград. В Сталинграде нас высадили и всех на стадион. А потом посадили нас опять на пароходы и увезли в Астрахань. Видимо, какая то была ведомственная договорённость, потому что как завод эвакуировали, я потом расскажу, наш завод в Марийскую ССР, вы знаете да? Там в верховьях... Татарстан, Марий Эл, и там тоже был судоремонтный и судостроительный завод... и вот попал туда. А пока что завезли в Астрахань, а из Астрахани в село Карапат, туда заходят азиатские пароходы... там рыболовецкий колхоз-совхоз. И нас высадили на горушке – у школы, и, как сейчас помню – репродуктор... «Жители! Приехали жители из оккупированных городов, районов, просим...». И нас разобрали.

2.-Добытчики?

-Да, добытчики... это... да, уже 42ой год... 42 год, и пошли мы в восьмой класс. А тут немец как попёр... Харьков там... Ростов... и Сталинград. И вот... восьмой класс... ну что мы там... история... наверное, история такая же как сейчас там примерно, я уж не помню... география там, в математике какие-то задачи, что-то такое... а у нас карта была. А карта крупная была, последний час «наши войска прошли мимо такого-то, такого-то ... вели ожесточенные бои, в результате оставили такие-то, такие-то населенные пункты...» Ну, иногда говорили « в 30 километрах северо-западнее там, Брянска или что-то такое...». У нас красные флаги там... наши, и синие флаги – у них. Ну и так вот... на восток, на восток, на восток... И мы в один прекрасный день... Так... Бабушка... все работали, все работали вот... Отец там, он был начальник спецотдела, он, между прочим, освобожденный был, потому что он гражданскую войну воевал, в 1-ой Конной армии, парнишкой... И старший брат его погиб тоже... Было четверо братьев... Двое младших погибли в Отечественную войну, это потом уже. Отец был освобожден. Ну, он тяжело раненный был. Мужики все переживали, что на фронт... тут как в литературе... «А, ты на фронте не был, ты такой предатель, то да сё...» Такие времена были.

-Такое негативное отношение, да?

-Да. Ну а тем более много же осталось там... вдовы, всё... Мой погиб, а там... Были разговоры... Мама работала в бухгалтерии, ну она там бухгалтер всю жизнь... А тетя работала в цеху... А бабушка вязала носки... Ходили в военкомат, и в военкомате что-то выдавали, какие-то пряжи, и какая-то районная администрация была...

3. Когда мы возвращались, маршрут я не помню... Казань. Через чернозёмную полосу России, наверное, Воронеж, самые такие места, где ожесточённые бои были. Я не знаю, было ли это знаменитое поле, где танковое побоище было, под Орлом, или нет. Я помню, не одно такое сражение. Вот как сейчас помню: стоит пушка. Она наполовину толи перебита. Война ещё, ещё не разминировали, не убрали, сколько потом после войны подрывались на минных полях ребята. И вот стоят эти пушки сожженные, сёл нет, пожарище, всё что осталось. Приехали в Киев, на завод, продолжаем трудовую деятельность. А там идёт уже восстановление речного флота. Там уже какие-то детали вытачиваем, что-то такое. И сентябрь месяц. Призыв в Красную Армию. Или тогда уже Советская Армия...

И призыв. Ну, сейчас весенний и осенний призыва, а тогда только один осенний призыв, и в 44ом году призывали 27ой год. Это последний военный призыв. А у меня уже броня была, я квалифицированный рабочий. Ну, так как уже чувствовалось, что победа не за горами, уже после Сталинграда... даже, когда Курско-Орловская дуга, уже все понимали, а там уже пошло... Днепр и всё такое, пошло-поехало. Уверенность, между прочим, у нашего поколения, ну, может быть, это мальчишеский максимализм, даже когда думали, что немец перейдёт Волгу, дойдёт до Урала, всё равно думали - победа будет за нами. Вот мы так считали, ребята, вот пусть они там до Урала дойдут, но всё равно мы... Правда на нашей стороне... Не должно быть, не допустят, а бабушка... Вот у нас диспут был с бабушкой, вот мой дед, её отец, погиб на гражданской войне. Она ни немцы, ни фашисты – германцы, и всё. Это вот с Первой Мировой войны повелось. «Ой, вот Что будет? Опять эти как татаро-монгольское иго было, будет германское...» «Бабушка, вот мы подрастём все, пойдём воевать – всё равно победа за нами» Потом, не знали, какие там резервы, соединения, дивизии, кто у нас чего... ну не должно же зло восторжествовать, правда должна быть на нашей стороне. И вот тогда же были политкомиссары. Военкомат. Военком, он же тоже расшифровка военный комиссар, а есть политрук. Вот политруки,

политкомиссары были, их, то вводили, то запрещали, это по истории надо проследить. Но тогда политрук был. Вот они вдвоём, и как совпадение, один капитан был... ну все фронтовики... после ранения, после выздоровления. У одного гимнастёрка была на правую руку завёрнута, у другого – на левую. Я уж не помню, Иваныч там или Николаич. А мы конечно худоба были, рост уже примерно как сейчас... в юности всё растёшь и растёшь а потом... Я правда и сейчас 60 килограмм всего вешу, а тогда наверное, не знаю 50 или меньше... Ну мы вообще худоба... Ну что, давай этих ребят, как он выразился- то... сохраним. Они нам пригодятся. Немца добьём, доколошматим. А их пошлём учиться. И вот поставили нас, вернее, не нас, а меня, и начинают нас опрашивать: «Ребят, ну, кто-куда-чего, артиллеристы там все...». А я: «В авиацию!» Так я вот попал в спецшколу.

4. Нас называли спецами. Спецы. Городские и иногородние. То есть, кто проживал в Киеве – я жил у себя на острове – остров сожгли. Начисто. Когда наши подходили к Днепру, всё Левобережье уничтожили. Взорвали, сожгли там. Когда я посещал тот остров, на нашем месте тоже... остались только ножки да рожки. И мои родители начинали, как бы жить заново. То есть, ничего нет. От завода дали две комнаты. Родители с сестренкой в одной комнате, в другой комнате бабушка и тётя. Мама и сестра отца – две комнаты, там общежитие, отец там на заводе сколотил топчаны какие то, всё такое. Обустраивались заново. А остров сожгли и все островитяне собирались и до сих пор собираются, уже с детьми, с внуками, с правнуками, там поставили памятник. Вот такой памятник. Это символ нашего острова – это лодка, а это – Алексей Стохорский. Ну, это мой сосед, он постарше на два года, Герой Советского Союза... Он форсировал Днепр. А остров наш называли Киевской Венецией, потому что как я уже говорил, если наводнение, то все наши дома оказывались в воде. А у нас на острове, ну, это микрорайон, 8000 жителей – одна школа, один магазин, одна аптека, один роддом, где я родился. И вот когда половодье, то в школу нас отвозили на лодках. Вот прямо магазин – лодка причаливает, а ребята и девчата вечером на лодках прогулки значит, песни пели. Ну, Киевская Венеция, так вот говорили. Иногда, вот я помню, сидишь, а поток бурлит там, несёт, а после войны уже остров сделали зоной отдыха. Там уже пляж, инфраструктура там, зонтики там, всё-всё-всё, а жители собираются, и вот с нашего острова, с 8000 жителей получилось 4 Героя Советского Союза. И эти ребята, они вот когда к Днепру подходили, то набирали добровольцев, кто умеет плавать, кто умеет обращаться с плавсредствами, pontonov не было, мостов не было,

собирали всякие лодочки, форсировали так, а мы же водники да, с утра в воде. Между прочим, среди выходцев острова было несколько рекордсменов и чемпионов Советского Союза по плаванию. На воде и рыбалка, и на лодках. Вот эти ребята, все они форсировали Днепр, сейчас их уже нет в живых. На острове есть стела такая, на которой высечены имена всех погибших. Есть и моя фамилия, Старикив, это брат отца. Старикив Владимир, мой отец – Павел Семёнович, брат его – Владимир Семёнович, ещё один дядя погиб – Николай Семёнович....

5. Математик наш преподавал ещё в кадетском корпусе при царе-батюшке. 60 или 70 ему было, одышка у него была, бронхиальная астма, он еле ходил. Математик такой закоренелый. «Ребята, учебник бросайте...» У него там свои примеры, задачи, и он учил нас задачи решать с конца. Вот тебе нужен результат, этого нет, откуда взять и так далее... у него был алгоритм. И я математику, если честно признаюсь, я любимый ученик был, потому что я один решал все задачи дополнительные, которые он давал. И я считал, что моё будущее – это математика. Некоторые считают, что математика – сухая наука, а у меня что-то такое в генах заложено. А у нас, когда выпускной экзамен был, я два варианта сделал – меня попросили, там женская гимназия была, а тогда раздельное обучение было, девчонки отдельно, меня за шиворот – спасай девчат. Давай быстрее решай. Я успел решить и им задачу.

6. Получилось так, что я оказался там, когда мне было 20 лет...21 год. Я самый младший оказался. Там служили ещё те, которые застали войну, 23-24-25 года, и вот мне пришлось ими командовать.

-Не тяжело было поначалу-то? Они вас воспринимали как офицера?

-Я завоевал авторитет. Чем занимались радиолокационные станции? Они... ведь оккупация Германии была, стояли целые подразделения...и радиолокационные станции, они контролировали полёты и контролировали полёты американцев, когда Берлин был поделён на 4 зоны, и в американской зоне снабжение было по воздуху... и вот радиолокационные станции наблюдали. Как только выходили из коридора, истребителями их там загоняли. Я приехал там, нас хорошо в училище подготовили, вот конкретная станция локационная наземная... тогда же электроника какая была: лампы. Это же не сейчас микросхемы. Лампы. Шкафы. И платы такие значит, блоки. И вот ребята решили проверить меня на вшивость. А у нас как в училище: инструктор выводит там какую-нибудь неисправность, ну, планку вытащил, а там блоки: приёмники, передающие... по локатору включаешь высокое там, низкое напряжение тока, а там его нет. Как же... схема такая, на всю стену:

постоянный ток, высокочастотный, низкочастотный – разный, и в голове эту схему держали, где компоновка была, и где неисправность какую... И если блок не тот – всё, давай, выходи – ты не знаешь, готовься... и вот нас он натренировал, что мы знали... И вот я когда зашел: «Так, я выхожу, ставите лампу, туда-то...», а там всё строго было, тогда ещё СМЕРШ был... «никакого разбирательства не будет, и на этом закончим...» Они больше не проверяли. А второй авторитет я их в шахматы всех... у них первое увлечение – шахматы...ну и спортом я там занимался... и я сразу же завоевал авторитет. Я вот командовать не любил, я удивляюсь сейчас, откуда эта дедовщина пошла? Для меня они были ну, как младшие братья что ли...

Приложение 2. Авиационные специальные школы

Молодёжный военно-исторический журнал:

специальный выпуск - № 1 2006 год

Специальные школы стали создаваться накануне Великой Отечественной войны. Так, по решению правительства от 5 мая 1937 года пять московских средних школ Наркомата просвещения в экспериментальном порядке приступили к обучению юношей 8—10 классов по специальной программе, предусматривавшей изучение математики, физики, химии, черчения и военного дела, приближенное к программам военных учебных заведений. Школы комплектовались юношами, успешно окончившими 7 классов и годными по состоянию здоровья для поступления в военные училища. В соответствии с Положением о специальных школах их выпускники после окончания 10 класса имели право поступать в любое военное училище. Однако уже в ноябре в положение было внесено уточнение, по которому созданные спецшколы становились артиллерийскими, т.е. их выпускники предназначались для комплектования артиллерийских училищ. Это привело к тому, что часть ребят, мечтавших стать моряками или летчиками, покинула артиллерийские спецшколы. Вместе с тем опыт их работы убедительно доказывал, что аналогичная форма подготовки вполне приемлема для училищ ВМФ и ВВС. Большую роль в создании специальных школ для Военно-воздушных сил сыграл прославленный летчик М.М. Громов, крупнейший знаток проблем обучения высококлассных пилотов. При его непосредственном содействии в мае 1940 года руководство ВВС обратилось в правительство с просьбой «организовать... авиационные спецшколы Наркомпроса по типу артиллерийских с обязательным ежегодным выходом в лагеря, с организацией общежитий (интернатов) для иногородних учеников».

В ноябре по этому вопросу правительство приняло решение. Оно было положительным. В постановлении указывалось, что «*в целях подготовки кадров для комплектования военно-авиационных училищ летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной армии предложить Совнаркомам РСФСР, УССР, БССР, Грузинской ССР и Армянской ССР организовать в системе народных комиссариатов просвещения 20 специальных средних школ Военно-воздушных сил (в составе восьмого, девятого и десятого классов) в следующих городах: Москве, Ленинграде, Воронеже, Горьком, Саратове, Сталинграде, Иванове, Курске, Свердловске, Ростове-на-Дону,*

Казани, Краснодаре, Киеве, Ворошиловграде, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Минске, Тбилиси и Ереване».

Тем же числом Советом народных комиссаров было утверждено и Положение о спецшколах ВВС.

Общее количество учащихся во всех трех классах каждой специальной средней школы должно было быть не менее 500 человек, начало занятий предусматривалось со 2 января 1941 года.

Каждая спецшкола получила свой номер. Так, Московской спецшколе ВВС был присвоен № 1, Ленинградской — № 2, Ивановской — № 3, Курской — № 4, Горьковской — № 5, Воронежской — № 6, Сталинградской — № 7, Саратовской — № 8, Казанской — № 9, Ростовской — № 10, Свердловской — № 11, Краснодарской — № 12, Киевской — № 13, Одесской — № 14, Днепропетровской — № 15, Харьковской — № 16, Тбилисской — № 17, Минской — № 18, Ворошиловградской — № 19, Ереванской — № 20.

Желающих попасть в спецшколы оказалось довольно много: молодых людей влекла романтика авиационной службы, чувство долга, стремление защищать Родину.

Специально созданные комиссии проверяли знания абитуриентов по всем общеобразовательным дисциплинам, прежде всего по математике, физике, химии и иностранному языку. Помимо прохождения медицинской комиссии каждый поступающий должен был продемонстрировать свою физическую подготовку на спортивных снарядах. Высоко оценивалось наличие спортивных значков: «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», «Осоавиахим» и других. Учитывался и интеллектуальный уровень будущих авиаторов.

Каждый поступающий должен был заполнить анкету, которая хранилась в его личном деле до окончания школы. По ней велась проверка абитуриентов органами НКВД.

Структурно каждая спецшкола была подобна армейскому подразделению: она делилась на роты, взводы во главе с командирами, все подчинялось строгому воинскому распорядку. Надо отметить, что хотя это и было поначалу непривычно, но николько не тяготило учащихся: ведь сюда шли по зову сердца, заранее настроив себя на преодоление любых трудностей.

Начальники (директора) школ назначались из числа гражданских лиц Наркомпросом, но с согласия Управления учебными заведениями ВВС Красной Армии. Каждый руководитель школы имел трех заместителей: по учебной работе (завуч), а также по политической и по строевой части. Два последних являлись кадровыми военными. Завуч занимался организацией учебного процесса, ведал канцелярией штаба школы; заместитель по политической части отвечал за политическое воспитание; заместитель по строевой части руководил собственно военным обучением ребят и именовался командиром отдельного батальона. Постоянный состав батальона — преподаватели и командиры, переменный — учащиеся, объединенные в три роты. Первая рота — выпускная, она состояла из учеников, проходивших курс обучения по программе 10 класса средней школы; во второй и третьей ротах находились спецшкольники, обучавшиеся соответственно по программам 9 и 8 классов средней школы. Во главе каждой роты стоял командир, назначаемый из лиц командного состава запаса ВВС, и его помощник — старшина роты, замещавший командира в его отсутствие. Старшина назначался приказом начальника школы из лучших учащихся, постоянно находился при роте иправлял ее жизнью в соответствии с действующими уставами Красной армии.

Каждая рота подразделялась на пять взводов. По меркам обычной школы это было пять параллельных классов, во главе каждого также стоял командир, назначавшийся из преподавателей школы (в том числе и из числа женщин). По сути дела, это были обычные классные руководители, однако с более широкими правами и обязанностями, чем их гражданские коллеги.

Обучение, обмундирование, питание, а для некоторых учащихся и жилье — все оплачивалось государством.

Большинство учащихся школы (местные) жили в своих семьях и каждое утро обязаны были являться к утреннему построению, поверке и зарядке. Затем следовали завтрак, занятия, обед, самоподготовка (приготовление уроков) и ужин, после чего воспитанники отправлялись домой.

Иногородние учащиеся проживали в интернате при спецшколе, где царил жесткий распорядок дня с подъемами, построениями и отбоями, т.е. в полном соответствии с Уставом внутренней службы Красной армии. Конечно, ребятам было тяжеловато, зато они не теряли время на дорогу от дома до школы, у них лучше было развито чувство коллективизма, они впоследствии быстрее адаптировались к жизни воинских коллективов.

Спецшкольники, или «спецы», как они себя называли, носили особую военную форму одежды, подразделявшуюся на летнюю и зимнюю. Последняя служила также и парадной. Голубые петлицы хлопчатобумажной гимнастерки были украшены эмблемой ВВС — «птичкой» и треугольниками знаков различия, чтобы можно было отличить рядового от командира. С введением в Красной армии погон они появились с января 1944 года и на плечах учащихся спецшкол. Интересно, что приказ по этому поводу был подписан лично И.В. Сталиным.

Питание учащихся было трехразовым, в школьной столовой. Однако в трудное военное время возникли проблемы с продовольствием, страна перешла на карточную систему. Ухудшилось и снабжение спецшкол. Недоедали не только учащиеся, но и их преподаватели и командиры. Чтобы иметь какую-то прибавку к пайку, спецшкольники помогали колхозникам в уборке урожая, в других работах, трудились на заготовке дров для отопления занимаемых помещений.

Летом и осенью 1941 года началась эвакуация спецшкол из западных областей, подальше от приближавшегося фронта — на Алтай, Урал, в Сибирь, Казахстан, где они продолжали работать. Программа обучения оставалась прежней, проводились и летние лагерные сборы, хотя теперь делать это становилось все труднее. В наиболее сложном положении оказалась Ленинградская спецшкола ВВС, которая эвакуировалась из блокадного кольца в феврале 1942 года. По данным бывшего воспитанника этой школы А.М. Соколова, на новое место Ойрат-Тура из 405 учеников основной группы до места добралось только 216 ребят.

Многие ученики спецшкол горели желанием поскорее попасть на фронт. В ряде случаев их просьбы удовлетворялись. При этом в отношении школьников, достигших к окончанию школы призывного возраста (в 1939 г. призывной возраст был понижен с 19 до 18 лет), было принято такое решение: учащимся 10 классов 1925 года рождения, призванным в 1942—1944 гг. в ряды Красной Армии, выдать аттестаты об окончании средней школы без испытаний, руководствуясь оценками за первое полугодие 1942/43 учебного года, а по арифметике, конституции, географии, естествознанию и рисованию — за соответствующие классы.

В феврале – августе 1944 года началась реэвакуация: спецшколы вернулись на свои прежние места и в них снова стали проводить набор учащихся. Однако попасть в спецшколу ВВС теперь оказалось довольно трудно: за чистотой ее рядов особенно тщательно следили органы НКВД. В спецшколу

не принимали лиц, имеющих родственников за границей или репрессированных. В отношении же юношей, чьи родственники или они сами проживали на временно оккупированной немецкими захватчиками территории, проводилась тщательная проверка: не сотрудничали ли они с немцами. Выяснением этого, по сути, занимались и так называемые мандатные комиссии, которые нередко становились непреодолимой преградой для кого-либо на пути в небо. Недоверие к юношам, стремящимся посвятить себя службе Родине, проявлялось буквально во всем и наносило им серьезные моральные травмы.

В целом же спецшколы ВВС сыграли определенную роль в укреплении советской авиации. Учащиеся, окончившие спецшколы, приходили в авиационные училища со знанием уставов Красной армии, основ воинской службы, имели понятия о самолетах и летной профессии и других премудростях армейской жизни. По сравнению с курсантами, окончившими 10 классов обычной средней школы, «спецы» оказывались намного лучше подготовленными к изучению не только военных предметов, но и общеобразовательных дисциплин. Кроме того, они отличались лучшей физической подготовкой, дисциплинированностью и крепкой товарищеской сплоченностью.

Выпускники спецшкол ВВС с честью оправдали возлагавшиеся на них надежды, как в годы Великой Отечественной войны, так и после Победы, отдавая все силы, знания и опыт любимому делу — авиации.

По данным документов, которые удалось собрать, из стен специальных школ Военно-воздушных сил вышло около **40 тыс. выпускников**, многие из которых стали командирами, политическими руководителями, инженерами, руководителями институтов Министерства обороны, иных управлений и главков, руководителями и работниками гражданской авиации, крупными специалистами авиационно-космической промышленности, космонавтами.

Многие бывшие «спецшкольники» стали Героями Советского Союза, около **50 выпускников — генералами**, более ста получили почетные звания заслуженных летчиков-испытателей, штурманов-испытателей, военных летчиков, военных штурманов, пилотов.

60 лет назад одним росчерком пера Н.С. Хрущев ликвидировал спецшколы (в 1955 году), однако чем дальше уходит это время, тем яснее становится, что польза от них значительно превышала материальные затраты.

Приложение 3. Фотоматериалы.

После академии имени Жуковского Евгений Павлович в вычислительный центр № 3 ВВС в городе Ногинске. Потом его переименовали в Центральный НИИ Министерства Обороны. В институте уже на основе вычислительных машин (отечественные – «Стрела» и «Урал») военные инженеры решали различные задачи, связанные с созданием новых образцов военной техники. Например, определение всех лётных характеристик и динамика самолётов с вертикальным взлётом и другие. Старикин готовился к защите кандидатской диссертации, но в 1960 году его жизнь круто изменилась.

Его «сосватали», как оказалось в Управление новой техникой. На самом деле это учреждение разрабатывало новинки для космической программы: один отдел – летательными аппаратами (воздушно-орбитальными, прообразом будущего «Бурана»), другой – изготовлением новых скафандров, третий разрабатывали центрифуги и различные барокамеры, а Старикин попал в отдел, который должен был создать аппаратуру поиска космонавтов.

Подобные радиомаяки уже применялись в то время в авиации, но широкого применения ещё не получили. Но самое главное, устройство должно было крепиться на скафандре космонавта и весить только 500 граммов и не более.

Каждый грамм в космосе был на вес золота, отсюда такое ограничение. Предполагалось, что космонавты будут приземляться в определённом месте размерами 100 км на 40 км, радиосигналы маячка должны были очень быстро помочь в обнаружении приземлившегося космонавта. Но иногда приземление, как показали полёты, могло производиться с отклонением в несколько сотен и даже тысяч километров, но впервые это произошло с экипажем Леонова, когда уже на спускаемом аппарате были установлены мощные передающие устройства.

Изготовление этой уникальной аппаратуры было осуществлено в Харькове, куда Евгений Павлович неоднократно выезжал, в том числе и на испытания.

Следует отметить, что завод, где изготавливается этот прибор, выпускал обычные радиоприёмники, а в секретной лаборатории – изделия, которые проходили под грифом «особо секретно» и контролировались Комитетом госбезопасности.

Правда, эти испытания были не совсем обычными. Прибор по внешнему виду был похож на табакерку, которая снизу имела что-то вроде амортизаторов в виде поролона. Испытатели поднимались на 3 этаж здания и в раскрытое окно бросали прибор вниз на землю, при ударе о которую

выскакивала антенна, и начиналась передача в эфир сигнала на определённой частоте спасателей. Вот такая изобретательская смекалка!

За 10 лет работы в данном учреждении Старикин Евгений Павлович помимо радиомаяка (поисково-спасательный комплекс) ещё разработал уникальный пеленгатор и оставался в должности ведущего радиоинженера.